

Аполлон Григорьев

Великий трагик

Рассказ из книги "Одиссея о последнем романтике"

Аполлон Григорьев. Воспоминания
Издание подготовил Б. Ф. Егоров
Серия "Литературные памятники"
Л., "Наука", 1980
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmnn@lib.ru>

В мирном и славном городе Флоренске, как зовет его Лихачев, {1} посол царя Алексея Михайловича к Дуку Фердинандусу, - я жил в одной из самых темных его улиц... или нет, не улиц. Улица - это via, via, например, Ghibellina, via Кальцайола, а я жил в Борго, в Borgo Sant-Apostoli, т. е. в улице, состоявшей из нескольких улиц, перерываемых множеством узеньких, маленьких, грязеньких _кьяссо_, {2} которые были отдушинами Борго на Лунгарно, т. е. на набережную Арно. Отдушины эти - нельзя сказать чтобы отличались благовонием, тем более что в них вы не встретили бы ни разу обычной надписи: Si il nome christiano portate {Если вы носите христианское имя (итал.).} {3} и т. д. Нельзя сказать также, чтобы кьяссо отличались особенными изяществом и роскошью. Из них под вечер выскакивают обыкновенно на Лунгарно или оборванные синьоры "с чужим ребенком на руках" {4} и с припевом, действующим ужасно на человеческие нервы, если только эти нервы не канаты или не укреплены какой-нибудь крепко всаженной в них теорией - хотя бы теорией, например, английской о вреде безразличной помощи ближним или нашей доморощенной об исключительной помощи соотечественникам. Но теория, как известно, мастерски вьет из человеческих нервов канаты, на которые ничто не действует, даже болезненный, пожалуй, выученный, но лучше сказать, вымученный тон стона синьоры в отребиях, {5} преследующей вас своим sono fame, signer, sono fame {я голодна, синьор, я голодна (итал.).} от Понте-Веккио до Понте делла Тринита и гораздо далее, нагло - но как-то жалко-нагло цепляющейся вам за рукав, поспевающей за вами, как бы вы ни ускоряли ваши шаги. Не могу также добросовестно сказать, чтобы кьяссо были замечательны относительно целомудрия их обитателей. Pst, pst - этот призывный клич слышится вам из окон почти во всякое время дня и ночи и, право, едва ли не болезненней Jo sono fame действует на вас, особенно когда вы только что вышли из галереи _Уффиции_ или шли из-за Ольтр-Арно, {6} из палаццо Питти, где женственная красота и чистота столь бесконечно разнообразными идеалами наполняли вашу душу, так уверили вас в своем бытии, такие гармонические ответы дали на ваши вопросы.

А задние окна моей комнаты, как нарочно, выходили на один из таких кьяссо, и я мог всегда, когда только захочу, иметь перед глазами отрицательную поверку идеалов.

Был апрель. Итальянская весна дышала всем, чем ей дано дышать и целыми стенами роз по стенам садов в городе и по дорогам за горе дом, и блестящей совсем молоденькой, разноотливистой зеленью в Кашинах, и целыми роями ночных светляков в траве, скачущих, летающих, кружащихся перед вашими глазами, как маленькие огненные _эльфы_. Была весна... но, впрочем, что я говорю - была, лучше сказать - стала весна, основательно утвердилась, потому что еще и прежде в конце февраля, в начале марта, она вдруг, неожиданно высывала иным утром из-за травки, из-за листьев деревьев свою светленькую кудрявую головку и вдруг обдавала вас жгучим пламенным взглядом. Не шутя я помню совсем весенний, дышащий росой и свежестью вечер в один из первых дней великого поста и совсем весеннее, сияющее, обдающее жаром утро с палящими лучами солнца, награвшими ожидавшую меня у Сан-Донатской церкви карету. Итак, весна стала...

Толковать о том, какое тревожное, немного страстное, немного тоскливое чувство развивает в душе северного человека весна, - будет, кажется, совершенно излишне; на тысячу ладов и всегда разнообразно пересказывали нам об этом странном чувстве наши поэты, особенно трое из них. {7} Лучше их мне не сказать - смешные бы это были претензии повторять ими сказанное, сводить в новую мозаическую картинку помеченные ими черты, уловленные ими оттенки, одним словом, сочиняя по печатным источникам физиологию весенних чувств... - это повело б нас бог знает как далеко, в целую этюду, а таковой мне писать в